

Введеніе въ ненаписанную книгу по психологіи умственнаго творчества (научно-философскаго и художественнаго).

I.

«Душа—не яблоко: ее не разрѣжешь»,—говоритъ Шубинъ въ «Наканунѣ» Тургенева. Это справедливо лишь отчасти и въ очень условномъ смыслѣ. Въ сущности душа человѣческая довольно легко «разрѣзывается» по шву, которымъ скрѣплены одна съ другой (и при томъ далеко не прочно) двѣ сферы ея: *сфера чувствъ* и *сфера мысли*. Надо полагать, у высшихъ животныхъ онѣ скрѣплены гораздо основательнѣе, а у низшихъ животныхъ цѣльность души, конечно, еще солиднѣе, ея сплоченность еще крѣпче,—и ее, пожалуй, ужь въ самомъ дѣлѣ не «разрѣжешь».

(Психика культурнаго человѣка сложна и расчленена. На первоначальной основѣ ея, т. е. на *волево́мъ психическомъ аппаратѣ*, тысячелѣтіями культурнаго развитія создались обширныя и причудливыя «надстройки» чувствъ и умственныхъ процессовъ.) Эта строительная дѣятельность совершалась, конечно, не по какому-либо плану, не по рациональнымъ законамъ психической архитектуры, а со всею иррациональностью слѣпого творчества природы. Душа человѣческая, какъ мы ее знаемъ теперь, есть продуктъ психической *эволюціи*, которую нѣтъ никакихъ основаній считать законченною. Мы можемъ гордиться богатствомъ нашей психики, когда сравниваемъ ее съ психикою дикарей; но эта гордость сейчасъ же должна смириться, какъ только вспомнимъ о всѣхъ неврозахъ и психозахъ, которыми цивилизованный человѣкъ такъ подверженъ именно въ

силу несовершенства и неустойчивости своей нервно-мозговой и психической организаціи.

✓ Прогрессъ въ эволюціи психики человѣческой сводится: 1) къ усовершенствованію, обогащенію, изощренію умственной и чувствующей сферъ, 2) къ подчиненію волевого аппарата власти ума и высшихъ чувствъ и 3) къ упроченію синтеза всѣхъ элементовъ и процессовъ психики. Этотъ синтезъ и есть то, что иначе называется *личностью*.

Для уясненія относительнаго совершенства или, лучше, несовершенства нашей психики прежде всего необходимо обратить вниманіе на *взаимоотношенія мысли и чувства*. Вникая въ психическую природу этихъ двухъ сферъ, мы ясно усматриваемъ коренное различіе между ними, ихъ разладъ, и приходимъ къ выводу, что это—какъ бы «двѣ души», имѣющія свои особыя «законы», стремленія, задачи. Душевное равновѣсіе и благополучіе человѣка въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ того, насколько поладили между собою эти «двѣ души» его, насколько крѣпокъ союзъ ихъ.

Есть одно, что ихъ сближаетъ и роднитъ: это—единство ихъ происхожденія. Основною ячейкою, изъ которой они возникли¹⁾, должны быть признаны *элементарныя чувственные воспріятія* (зрительныя, слуховыя, осязательныя и т. д.). Эти воспріятія, пока они еще не переработаны въ представленія, суть столько же элементы чувства, сколько и мысли, или точнѣе, это — зачатки будущихъ чувствъ и матеріалъ будущей мысли. Если угодно, здѣсь можно усматривать какъ бы *предварительный синтезъ* чувства и мысли. Но этотъ изначальный, зачаточный синтезъ подлежитъ разрушенію, безъ чего невозможно дальнѣйшее развитіе психики, идущее въ направленіи обособленія обѣихъ сферъ. Первые шаги развитія психики, это—уже нарушеніе равновѣсія. Если представимъ себѣ существо, психика котораго состоитъ только изъ чувственныхъ воспріятій, еще не переработанныхъ въ настоящія чувства, хотя бы простѣйшія, и въ настоящую мысль, хотя бы элементарную, то придется признать это существо столь же душевно-убогимъ, сколько и душевно-цѣльнымъ. Какъ только матеріалъ чувственныхъ воспріятій перерабатывается съ одной

¹⁾ Въ эволюціонномъ порядкѣ, въ филогенезѣ психики,—и возникаютъ у cadaго человѣка въ его психическомъ онтогенезѣ.

стороны въ элементарные процессы мысли, а съ другой—въ простѣйшія чувства, — принципиальная противоположность обѣихъ сферъ и ихъ разладъ сейчасъ же обнаруживаются.

II.

Чувство, какъ таковое, характеризуется, во-первыхъ, наличностью такъ называемой окраски, большею частью подвдимой подъ категоріи *пріятнаго и непріятнаго*. Мысль, какъ таковая, чужда какой бы то ни было окраски. Нужно строго различать между самими чувствами, напр., радости, озлобленія, зависти, жалости, грусти и т. д., и соотвѣтственными понятіями или представленіями: первыя—окрашены, вторыя—не окрашены. То или иное представленіе (напр. образъ любимаго человѣка, воспоминаніе о счастливомъ событіи) можетъ вызвать живую игру извѣстныхъ чувствъ (напр., радости, восторга), но данное представленіе и данное чувство не сливаются въ одинъ, нераздѣльный душевный моментъ, котораго «не разрѣжешь»; напротивъ, здѣсь очень легко сдѣлать разрѣзъ по линіи, отдѣляющей представленіе (процессъ мысли) отъ со-
V V
V V
Тел
дмоч
наз
C
V V
V V V
 пущающаго чувства. И данное представленіе отнюдь нельзя назвать окрашеннымъ: окрашено не оно, а чувство, съ нимъ ассоціированное. Такія ассоціаціи могутъ быть настолько тѣсны и постоянны, что окраска чувства, связаннаго съ представленіемъ, легко переносится на самое представленіе. Есть, напр., образы и даже понятія, обычно вызывающія въ насъ чувство физическаго или нравственнаго отвращенія. При этомъ намъ кажется, будто въ составъ самого образа или въ содержаніе понятія входятъ элементы чувства. Это—иллюзія: въ составъ образа, въ содержаніе понятія входитъ только сознаніе ихъ отношеній къ опредѣленному чувству, а не самое это чувство. Такъ, напр., изображеніе въ мысли физической нечистоплотности часто заставляетъ насъ живо ощущать соотвѣтственное чувство ствращенія; но это чувство можетъ и не возникнуть, если картина нечистоплотности была мимолетная и не яркая. То, что во всякомъ случаѣ входитъ въ эту картину со стороны чувства, можетъ быть опредѣлено какъ сознаніе ея опредѣленнаго отношенія къ чувству, какъ ея оценка или квалифікація, внушенная чувствомъ. Сама по себѣ та-

1 4 кая оцѣнка или квалифікація не есть чувство. Она—элементъ мысли, но только такой, наличность котораго обусловлена предварительной наличностью соотвѣстнаго чувства. Если, предположимъ, у даннаго человѣка, въ силу какой-либо физической или психической аномаліи, совѣтъ нѣтъ чувства отвращенія, вызываемаго картиною нечистоплотности, то онъ только по наслышкѣ будетъ знать, что нечистоплотность квалифицируется какъ отвратительная, на самомъ же дѣлѣ у него этой оцѣнки не будетъ въ наличности,—въ его душевномъ обиходѣ,—въ смыслѣ живого, сознательнаго опредѣленія, опирающагося на личный внутренній опытъ, данный въ чувствѣ.

Такой анализъ представленій и понятій, подводившихся подъ категорію пріятнаго и непріятнаго, долженъ, по моему разумѣнію, привести къ выводу, что это отнюдь не явленія *окраски* мысли, а только процессы *ассоціаціи* мысли съ чувствомъ.

Но въ ряду ассоціацій мысли съ чувствомъ особое мѣсто занимаютъ нѣкоторые изъ тѣхъ процессовъ, въ которыхъ оцѣнка представленій и понятій дана со стороны *нравственнаго чувства*. Если въ такой оцѣнкѣ даетъ себя знать *живой голосъ совѣсти*, то здѣсь мы уже имѣемъ ассоціацію иного рода, гораздо болѣе сложную и тѣсную,—мы имѣемъ *синтезъ* мысли и чувства. О нравственномъ чувствѣ, въ смыслѣ живого голоса совѣсти, или категорическаго императива, заявляющаго о себѣ, изрекающаго свое одобреніе или свое veto, у насъ будетъ рѣчь ниже, и мы постараемся показать, что это настолько же явленіе мысли, насколько и явленіе чувства. Но его отнюдь нельзя подвести подъ понятіе *окраски* мысли чувствомъ. Оно гораздо сложнѣе, гораздо выше окрашенныхъ элементовъ мысли, и, какъ я думаю, оно и не мыслимо безъ предварительнаго развитія умственныхъ силъ, которое, въ свою очередь, основано на обособленіи мысли, на ея освобожденіи отъ окраски чувствъ. . . .

Въ концѣ концовъ *окрашенные* процессы мысли (у человѣка культурнаго и нормальнаго) мы можемъ найти только въ ея элементахъ, именно въ чувственныхъ воспріятіяхъ, которыя, въ сущности, еще не мысль, а только матеріальная состоящая мысли, начинающейся образованіемъ представленій. Окраска самихъ воспріятій у взрослого не такая, какъ у ребенка. Тѣ изъ нихъ, которыя наиболѣе важны для мысли (зрительныя и слуховыя), по мѣрѣ развитія умственныхъ силъ

ребенка, теряют окраску; тѣ же, которыя менѣе важны для мысли и тѣснѣе связаны съ фیزیологической жизнью, напротивъ, съ возрастомъ окрашиваются сильнѣе (напр., воспріятія вкусовые).

Процессъ развитія мысли, съ первыхъ же шаговъ ея, рѣзко характеризуется—у человѣка—стремленіемъ къ *безразличію* въ отношеніи къ *чувствующейся* окраскѣ, къ категоріи пріятнаго и непріятнаго. Въ умственныхъ актахъ, ведущихъ къ образованію представленій и понятій, чувствующаяся окраска воспріятій быстро потухаетъ, и только въ такомъ потухшемъ безразличномъ видѣ воспріятія и становятся матеріаломъ, пригоднымъ для созданія картины міра, даннаго въ представленіяхъ и понятіяхъ.

На этомъ пути,—въ направленіи *безразличія*, *неокрашенности*,—между прочимъ, выдѣляется особый элементъ мысли, родъ умственного ощущенія—*свободы* отъ давленія чувствъ, отъ гнета чувствующейся окраски. Мысль обособляется и сперва ощущаетъ, а потомъ и сознаетъ, если можно такъ выразиться, всѣ преимущества своей возникающей автономіи. Ея процессы и результаты все болѣе и болѣе становятся самодовлѣющими. Возникаетъ сознаніе силы, законности и психологическихъ правъ мысли, независимо отъ воли и чувствъ. Однимъ словомъ, это—психологическія основанія того, что издревле принято называть *истиной*. Изъ намѣченной постановки вопроса читатель, полагаю, уже видитъ, съ какой стороны я хотѣлъ бы подойти къ психологической разработкѣ проблемы «истины». Я не спрашиваю, что есть истина? Я хочу уяснить себѣ психологическое происхожденіе ощущенія и понятія *истинности*, какъ особой, сопутствующей развитію мысли, умственной категоріи, принципиально-отличной отъ окраски, свойственной чувствамъ. Въ томъ стремленіи къ безразличію относительно чувствующейся окраски, о которомъ я только что говорилъ, я усматриваю первый шагъ къ образованію этой категоріи, присущей процессамъ мысли, и съ этой стороны ощущеніе истинности есть сперва только ощущеніе того, что въ возникающихъ образахъ, въ слагающихся понятіяхъ чувствующаяся окраска воспріятій потухла.

III.

Въ силу отсутствія *окраски* процессы мысли (представленія, понятія, идеи) могутъ быть понимаемы какъ *не эгоистическія* (въ извѣстномъ смыслѣ) проявленія нашей психики. Во избѣжаніе недоразумѣній, вмѣсто термина «эгоизмъ» съ его производными (будемъ пользоваться терминомъ «эгоцентризмъ», понимая подъ нимъ особое отношеніе къ «я» субъекта, именно то, которое дано въ чувствахъ и тѣмъ явственнѣе обнаруживается, тѣмъ живѣе сказывается, чѣмъ сильнѣе и выше чувство. Въ сферѣ чистой мысли, напротивъ, чѣмъ могущественнѣе, чѣмъ совершеннѣе и выше мысль, тѣмъ слабѣе ея связь съ «я» субъекта, тѣмъ дальше стоитъ она отъ этого «я»: по природѣ своей мысль, въ противоположность чувству, *не эгоцентрична*. Въ формѣ представленій, понятій, идей данъ міръ, *не превращенный въ чувства* или, лучше сказать, освобожденный, очищенный отъ непосредственной, чувствующейся окраски желаніями, радостями, страданіями, наслажденіемъ, отвращеніемъ и т. д. Сфера всѣхъ этихъ чувствъ только *ассоціирована* съ объективнымъ міромъ мысли. Если бы возможно было разрушить эту ассоціацію, то вся *неэгоцентричность* мысли обнаружилась бы во всей своей холодной, безстрастной мощи. При этомъ предполагается, что сфера чувствъ не исчезла и продолжаетъ поставлять матеріалъ для мысли, служить ей (иначе пострадала бы сама мысль). Тогда осуществилась бы великая утопія Спинозы: не скорбѣть, не ненавидѣть, а понимать... Впрочемъ, весьма возможно, что настоящая мысль Спинозы была не столь утопична и ея истинный смыслъ сводился къ формулѣ: скорбь, глубокая скорбь, которая не мѣшаетъ познавать, и всегда бодрствующее, нравственное негодованіе, которое не мѣшаетъ понимать.

Какъ процессы *окрашенные*, чувства по праву должны быть признаны *эгоцентрическими* по преимуществу проявленіями психики. Даже высшія, благороднѣйшія чувства, влекущія человѣка къ подвигу самоотверженія, заставляющія его жертвовать собою для другихъ или для идеи, съ точки зрѣнія чисто-психологической должны быть понимаемы, какъ акты наивысшаго *самоутвержденія* личности, наиболѣе яркаго и

полнаго выраженія его «я». Но возможенъ вопросъ: не усматриваются ли на верхахъ духовной жизни признаки возникновенія въ эволюціонномъ порядкѣ новыхъ чувствъ, дальнѣйшее развитіе которыхъ обнаружить, что эгоцентричность чувствъ не есть нѣчто вѣчное и непреложное, что возможно появленіе чувствъ *не эгоцентрическихъ*? Повидимому, та скорбь и негодованіе, о которыхъ я упомянулъ выше, какъ о спутникахъ высшаго познанія, являются чувствами не эгоцентрическими, по крайней мѣрѣ, въ обыкновенномъ смыслѣ. Кромѣ этихъ чувствъ, въ процессѣ высшаго познанія вырабатываются и другія, неэгоцентричность которыхъ еще яснѣе; таково, напр., то, которое Спиноза называлъ «умственной любовью къ Богу» (*amor dei intellectualis*).

Прежде чѣмъ пойти дальше, посмотримъ, что даетъ намъ указанная противоположность мысли и чувства, со стороны ихъ отношенія къ «я» человѣка, для дальнѣйшаго выясненія психологіи «истины». Мысль развивается въ направленіи *неэгоцентричности*. Отсюда понятно произвольное сознаніе того, что продукты мысли (представленія, понятія и ихъ сочетанія) являются, могутъ или должны возникать и имѣютъ свое право на существованіе и свою цѣну независимо отъ того, какъ они относятся къ «я» человѣка: радуютъ ли они, или огорчаютъ, соответствуютъ ли желаніямъ и стремленіямъ человѣка, или нѣтъ. Возникаетъ какъ бы предчувствіе *самобытности* и *самоуцѣнности* умственныхъ актовъ; появляется увѣренность въ томъ, что извѣстные продукты мысли должны быть принимаемы или отвергаемы не потому, что они намъ пріятны или непріятны, а на какомъ-то другомъ основаніи, котораго нужно искать въ природѣ самой мысли, а не внѣ ея, не въ природѣ чувства. Ошибки въ образованіи понятій и въ ихъ сочетаніи, затѣмъ поправки этихъ ошибокъ ведутъ къ установленію для мысли критерія *правильности* и *неправильности*. Съ тѣмъ вмѣстѣ развитіе категоріи истинности вступаетъ въ новый фазисъ.

IV.

Но пойдемъ дальше. Достаточно извѣстно то первенствующее значеніе, которое въ дѣятельности мысли принадлежитъ такъ называемой *бессознательной сферѣ* ея. Подавляющее

большинство умственных актов совершается именно здѣсь, за порогомъ сознанія. И жизнь мысли лучше всего можетъ быть опредѣлена, какъ постоянное общеніе между сознаніемъ и сферою безсознательною. Сохраненіе умственныхъ приобрѣтеній въ безсознательной сферѣ есть *память*, безъ которой ни умственная работа, ни прогрессъ мысли были бы невозможны. Но безсознательная сфера не есть какъ бы только складъ, магазинъ образовъ, понятій, идей: она—арена *умственной дѣятельности*. Вникая въ природу нашихъ умственныхъ актовъ, мы легко убѣждаемся въ томъ, что весьма многіе изъ нихъ протекаютъ безсознательно, и что нерѣдко въ сознаніи отражается только послѣдній результатъ сложныхъ операций, производящихся въ безсознательной сферѣ *автоматически*. Это значитъ, что вся эта работа обошлась намъ даромъ, и тутъ нельзя не видѣть огромнаго сбереженія умственной силы.

Къ числу автоматическихъ работъ, совершающихся въ безсознательной сферѣ, принадлежитъ утилизація языка, рѣчи. Языкъ—не только средство передачи мысли. Онъ прежде всего—орудіе мышленія. Онъ—сложный процессъ *апперцепціи* представлений, понятій и другихъ умственныхъ актовъ *грамматическими категоріями*. Эти категоріи (части рѣчи и части предложенія) усваиваются нами въ раннемъ дѣтствѣ и становятся для насъ настоящими формами мысли *a priori* въ кантовскомъ смыслѣ. Когда языкъ усвоенъ и сталъ привычнымъ и необходимымъ орудіемъ мысли, тогда грамматическая апперцепція сосредоточивается въ сферѣ безсознательной, сохраняя съ сознаніемъ живую связь и постоянное общеніе, такъ что результаты ея дѣятельности легко переходятъ въ сознаніе. Если искусственно перенести туда не только эти результаты, но и самую дѣятельность языка, то не замедлитъ обнаружиться вся обширность, вся сложность и тонкость этой дѣятельности, а также и то, какъ много мѣста заняла бы она и какъ много потребовала бы вниманія и умственныхъ усилій, если бы цѣликомъ протекала въ сознаніи. Всѣ мы хорошо знаемъ это по горькому опыту школьныхъ лѣтъ, когда, въ цѣляхъ обученія грамматикѣ, мы подвергались неизбѣжной операціи насильственного перемѣщенія существительныхъ, прилагательныхъ, глаголовъ, подлежащихъ, сказуемыхъ и т. д. изъ безсознательной сферы, гдѣ они дѣйствуютъ автоматически, въ сознаніе, гдѣ ихъ работа уже перестаетъ быть даровой и гдѣ, по вели-

чинѣ требуемой ею затраты умственныхъ силъ и вниманія, легко можно составить понятіе объ ея огромной важности и цѣнности.

Всѣ, начиная съ языка, бессознательные, автоматическіе процессы мысли (а имя имъ—легіонъ) по праву разсматриваются какъ процессы, сберегающіе, накапливающіе умственную силу, которая этимъ путемъ освобождается для новой, дальнѣйшей, высшей дѣятельности.

На этомъ основана самая возможность прогресса мысли, а за нимъ и всей психики.

Вотъ теперь и спросимъ: существуетъ ли въ душѣ *чувствующей* своя бессознательная сфера, аналогичная той, которая принадлежитъ душѣ *мыслящей*?

Ученые много спорили о томъ, есть ли память чувствъ. Вопросъ долженъ считаться нерѣшеннымъ ¹⁾. Я думаю, что онъ поставленъ неправильно. Сперва нужно рѣшить, возможно ли *бессознательное чувство*, какъ вполне возможна бессознательная мысль. Мнѣ кажется, отрицательный отвѣтъ самъ собою напрашивается. Вѣдь чувство съ его неизбежной окраской остается чувствомъ только до тѣхъ поръ, пока оно *ощущается, проявляется въ сознаніи*. Субъектъ можетъ неправильно понять свое чувство, можетъ ошибиться въ его опредѣленіи; есть не мало сложныхъ и тонкихъ чувствъ, трудно поддающихся отчетливому отраженію въ словѣ, въ представленіи, въ понятіи. Но, очевидно, эта трудность опредѣленія

¹⁾ Ясную постановку этого вопроса и попытку рѣшить въ утвердительномъ смыслѣ находимъ у Рибо, въ книгѣ „La Psychologie des sentiments“ (1896), глава XI („La mémoire affective“). Наблюденія и соображенія Рибо, клонящіяся къ доказательству существованія „аффективной памяти“, устанавливаютъ лишь одно: родъ „памяти“ въ области *чувственныхъ воспріятій* (обонятельныхъ, вкусовыхъ и др.), а не настоящихъ чувствъ; къ тому же эта „память“, по свидѣтельству самого автора, оказывается весьма ограниченной. По нашему мнѣнію, между нею и памятью умственной—дѣлая пропасть. См. также статьи Pillon'a „La mémoire affective, son importance théorique et pratique“ и Maution'a „La vraie mémoire affective“ въ „Revue philosophique“ 1901 г., февр.—Постановка вопроса, предлагаемая здѣсь мною, близка къ той, которую находимъ въ послѣдней статьѣ (Maution), и еще ближе къ воззрѣнію Вильяма Джемса (въ его „The principles of psychology“).—Ср. А. Лазурский, „Очерки науки о характерахъ“ (1906), стр. 165—166: „...аффективная память, если бы ее изучить подробнѣе, могла бы, пожалуй, имѣть для индивидуальной психологіи не менѣе важное значеніе, чѣмъ многія другія основныя наклонности. Теперь же она еще слишкомъ мало изслѣдована для того, чтобы высказываться окончательно по этому вопросу“

или ошибка въ немъ, въ свою очередь, краснорѣчиво свидѣтельствуешь о *сознательности* чувства: вѣдь если бы сложное, трудно-опредѣлимое чувство *не сознавалось*, то не возникалъ бы и вопросъ о немъ, не было бы ни трудности, ни ошибки. По моему крайнему разумѣнію, выраженіе «бессознательное чувство» есть *contradictio in adjecto*, какъ черная бѣлизна и т. п., и бессознательной сферы въ душѣ чувствующей нѣтъ. ✓ Этому, конечно, отнюдь не противорѣчить сохраненіе воспоминаній о пережитомъ и угасшемъ чувствѣ, а равно и возможность кажущагося повторенія этого чувства. Вы нѣкогда испытали большую радость, вызванную такимъ-то событіемъ въ вашей жизни. Прошли года, эта радость давно потухла, — ея нѣтъ у васъ; но представленія, съ нею связанныя, воспоминанія о событіи, ее вызвавшемъ, о лицахъ, участвовавшихъ въ событіи и т. д., конечно сохраняются въ вашей памяти, потому что они — мысль, а не чувство. Съ этими воспоминаніями могутъ ассоциироваться новыя чувства, отличныя отъ той радости, напр., чувство сожалѣнія о томъ, что она прошла, грусть о счастья, котораго уже нѣтъ. Если же, вспоминая прошлое, вы живо перенесетесь воображеніемъ въ ваше тогдашнее душевное состояніе, и если при этомъ новыя чувства сожалѣнія, грусти и т. д. не придутъ отравлять пріятныхъ воспоминаній, то нѣчто аналогичное былой радости можетъ прозвучать въ вашей душѣ. Но не трудно видѣть, что это не прежнее воскресшее чувство, а новое, только похожее на него, возникшее заново, въ силу извѣстныхъ умственныхъ актовъ (воспоминаній) и того, что въ данную минуту ваша чувствующая душа оказалась свободною отъ другихъ чувствъ. И, разумѣется, новое чувство, принадлежа къ одной категоріи съ прежнимъ, далеко не будетъ, однако, совпадать съ нимъ въ силѣ, интенсивности и въ тѣхъ отбѣнкахъ и подробностяхъ, которыя и образуютъ живую индивидуальность чувства. Наша чувствующая душа, по справедливости, можетъ быть сравниваема съ тѣмъ возомъ, о которомъ говорится: что съ возу упало, то и пропало. Напротивъ, душа мыслящая — это такой возъ, съ котораго ничего не можетъ упасть: вся поклажа тамъ хорошо помѣщена и скрыта въ сферѣ бессознательной. Возьмемъ другой примѣръ. Литвиновъ и Ирина любили другъ друга. Какъ ни была сильна и страстна эта любовь, она, послѣ извѣстнаго разрыва (въ Москвѣ), съ теченіемъ времени

прошла, потухла. Потомъ они встрѣтились за границей. Здѣсь, на первыхъ порахъ, ихъ чувствующія души были свободны отъ чувства любви. Но воспоминанія о прошломъ и жажда счастья (или, лучше сказать, тѣхъ острыхъ, страстныхъ, блаженно-мучительныхъ душевныхъ состояній, которыя даетъ любовь) привели къ новой любви. Она вспыхнула съ новой силой. Но это, въ точномъ психологическомъ смыслѣ, не прежнее чувство, а новое, только очень похожее на прежнее. Можно два раза заболѣть тифомъ, но новый тифъ, несмотря на все сходство съ прежнимъ, будетъ новой болѣзнью, которой теченіе и картина не можетъ по всѣмъ пунктамъ совпадать съ теченіемъ и картиною первой. Когда говорится, что Литвиновъ и Ирина не переставали любить другъ друга, и любовь безсознательно сохранялась въ ихъ душѣ, чтобы при новой встрѣчѣ вспыхнуть съ прежней силою, то это только—фигуральное выраженіе, противорѣчащее психологической природѣ чувствъ. Но когда говорятъ, что такая-то мысль долго сохранялась и даже работала въ безсознательной сферѣ, чтобы потомъ проявиться въ сознаніи, то это уже не фигуральное выраженіе, а вполнѣ точное обозначеніе факта.

Если бы чувства, нами переживаемыя, сохранялись и работали въ безсознательной сферѣ, постоянно переходя въ сознаніе (какъ это дѣлаетъ мысль), то наша душевная жизнь была бы такой смѣсью рая и ада, что самая крѣпкая организація не выдержала бы этого непрерывнаго сцѣпленія радостей, горестей, обиды, злобы, любви, зависти, ревности, сожалѣній, угрызений, страховъ, отчаянія, надеждъ и т. д., и т. д. Нѣтъ, чувства, разъ пережитыя и потухшія, не поступаютъ въ сферу безсознательнаго, и такой сферы нѣтъ въ душѣ чувствующей. Но въ ней есть нѣчто иное. Это именно—*слѣды пережитаго*. Испытанное чувство исчезаетъ, но наша психика обогащается новымъ опытомъ и становится на будущее время болѣе *восприимчивою* къ данному чувству. Эта восприимчивость, пріобрѣтенная рядомъ опытовъ, можетъ передаваться наслѣдственнымъ путемъ и, черезъ нѣсколько поколѣній, превращается въ *инстинктъ*. Смотря по характеру чувства, пріобрѣтеніе восприимчивости къ нему можетъ приводить къ весьма различнымъ результатамъ, напр., къ большей легкости всякаго новаго появленія въ душѣ даннаго чувства, къ привычкѣ имѣть его (такъ можно привыкнуть къ тщеславію, къ занос-

чивости, къ властолюбію и т. д.), или же къ тому, что извѣстное чувство уже не будетъ проявляться съ тою яркостью, какъ проявлялось оно впервые ¹⁾).

Путемъ переживанія различныхъ чувствъ наша чувствующая психика обогащается внутреннимъ опытомъ и усваиваетъ, если можно такъ выразиться, «чувствоспособность», въ силу которой ей становятся доступными всевозможныя чувства, хорошія и дурныя, равно какъ и различныя степени яркости чувствъ, отъ тусклыхъ и слабыхъ до такъ называемыхъ *аффектовъ*, т. е. сильныхъ и страстныхъ проявленій чувства.

Сравнивать эту чувствоспособность, эту настроенность души, хотя бы она была доведена до степени *инстинкта*, слѣпо, автоматически дѣйствующаго, съ ролью и характеромъ безсознательной сферы мысли нельзя безъ натяжекъ, и такое сравненіе ни къ чему не ведетъ, кромѣ отрицательнаго вывода, что эти психологическія величины несоизмѣримы и даже не могутъ быть названы гомологами.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что въ *психикѣ мыслящей*, гдѣ есть безсознательная сфера, господствуетъ законъ *памяти*, а въ *психикѣ чувствующей*, гдѣ безсознательной сферы нѣтъ, властвуетъ законъ *забвенія*.

Къ сказанному прибавимъ, что чувства, какъ *сознательные* по преимуществу процессы психики, скорѣе тратятъ, чѣмъ берегаютъ, дешевую силу. Жизнь чувства—расходъ души ²⁾).

V.

Важнѣйшею характерною особенностью мысли, тѣсно связанною съ ея безсознательными процессами, является ея вѣчное стремленіе восходить отъ единичнаго, частнаго, конкретнаго къ общему, обобщенному, отвлеченному.

Уже грамматическія категоріи суть отвлеченія. Но важ-

¹⁾ „Qu'il y ait ou qu'il n'y ait pas de „mémoire affective“, dans le sens où l'entend M. Ribot, il y a à coup sûr une *habitude affective* qui importe plus que ses sources“. (G. Tarde, *L'opposition universelle*. P. 1897).

²⁾ Попытку расчислить почву для возрѣнія на чувство, какъ на расходъ души, какъ на трату энергіи, мы находимъ въ книгѣ проф. И. Г. Оршанскаго „Механизмъ нервныхъ процессовъ“, т. I (изд. Академіи Наукъ).

нѣйшее дѣйствіе абстракціи сосредоточено не въ формальных частяхъ слова, а въ его матеріальномъ (лексическомъ) содержаніи: конкретныя представленія обобщаются либо въ типичные образы (это—путь искусства, кромѣ лирики), либо въ отвлеченныя понятія (это—путь науки и философіи).

Ничего подобнаго нѣтъ въ сферѣ чувствъ. Чувство всегда конкретно. Нельзя обобщить, скажемъ, 100 чувствъ любви въ одномъ чувствѣ какой-то любви вообще. Только представленія (а не чувства) разныхъ сортовъ любви могутъ быть сведены къ общему понятію (опять-таки не чувству) любви вообще. Излишне пояснять, что чувства, объектомъ которыхъ служатъ не конкретныя вещи, а общія понятія, идеи (напр., любовь къ истинѣ), такъ же конкретны, въ смыслѣ чувства, какъ и всѣ прочія. Чувства всегда рѣзко индивидуальны, т. е. каждое изъ нихъ имѣетъ свою, такъ сказать, фізіономію, свой характеръ, опредѣленную окраску, такую-то степень силы или яркости и т. д. Оттуда—безконечное разнообразіе чувствъ той же категоріи.

И съ этой стороны коренное различіе между мыслию и чувствомъ можетъ быть сведено къ противоположенію сбереженія и накопленія психической силы въ обобщающихъ, отвлеченныхъ процессахъ мысли—расходованію и разсѣянію психической силы въ живой дѣятельности чувствъ, всегда конкретныхъ, всегда индивидуальныхъ.

Эта противоположность мысли и чувства нагляднѣе обнаруживается въ ихъ крайнихъ выраженіяхъ. Существеннѣйшій признакъ мысли—отвлеченіе. И чѣмъ мысль отвлеченнѣе, тѣмъ она больше мысль; чѣмъ она конкретнѣе, тѣмъ ближе подходитъ она къ чувству. Въ чувственныхъ воспріятіяхъ она сливается съ послѣднимъ. Слѣдовательно, чтобы, созерцать мысль въ ея наиболѣе яркомъ выраженіи, нужно взять самыя широкія научныя и философскія обобщенія, гдѣ въ одномъ законѣ или въ одной идеѣ сведено къ единству огромное количество фактовъ и ихъ болѣе частныхъ обобщеній. Громадное сбереженіе умственной силы, осуществляемое этимъ путемъ, не требуетъ поясненія.

Существеннѣйшій признакъ чувства это—окраска, придающая ему особый характеръ, не позволяющій смѣшать его съ другимъ чувствомъ. Чѣмъ ярче окраска чувства, тѣмъ оно больше—чувство. Слѣдовательно, чтобы созерцать чувство въ

232381-42.

его наиболѣе яркомъ выраженіи, нужно взять *аффекты* и *страсти*. Что аффекты и страсти представляютъ собою расходоуаніе душевной силы, это не можетъ подлежать сомнѣнію, равно какъ и то, что, если взять всю совокупность аффектовъ и страстей за извѣстный періодъ времени, то этотъ расходъ окажется огромнымъ. Какія статьи въ этомъ расходѣ могутъ быть признаны полезными и производительными,—это ужъ другой вопросъ; но несомнѣнно, что многія страсти и различные аффекты оказываются настоящимъ расточительствомъ, душевнымъ мотовствомъ, ведущимъ къ банкротству психики.

Такъ вотъ, если будемъ имѣть въ виду съ одной стороны высшіе процессы обобщающей мысли, научной и философской, а съ другой—самые сильные и яркіе аффекты и страсти, то коренная противоположность и антагонизмъ двухъ душъ—мыслящей и чувствующей—выступятъ отчетливо въ нашемъ сознаніи. И мы убѣдимся, что въ самомъ дѣлѣ эти «двѣ души» плохо ладятъ между собою, и что психика человѣка, изъ нихъ слагающаяся, есть психика плохо организованная, неустойчивая, исполненная внутреннихъ противорѣчій.

Представимъ себѣ картину душевной жизни, управляемой интересами отвлеченной мысли,—при минимумѣ аффектовъ, при отсутствіи страстей,—и мы получимъ то, что Спиноза, лучший представитель такой жизни, справедливо называлъ *свободою*.

Представимъ себѣ картину душевной жизни, управляемой аффектами и страстями,—при минимумѣ умственной дѣятельности, при отсутствіи отвлеченныхъ идей,—и мы получимъ то, что Спиноза справедливо называлъ *рабствомъ*.

VI.

До сихъ поръ мы говорили о чувствахъ, отвлекаясь отъ ихъ положительнаго содержанія. Теперь обратимся къ этой сторонѣ дѣла и прежде всего предложимъ слѣдующую *классификацію* чувствъ, основанную на эволюціонномъ критеріи: 1) чувства *органическія* (біологическія), 2) *надъ-органическія*, 3) *соціальныя*, 4) *надъ-соціальныя*. Вмѣстѣ съ классификаціей мы дадимъ и *оцѣнку* чувствъ со стороны ихъ значенія

въ общей экономіи психики человѣческой. Критеріемъ такой оцѣнки послужить намъ понятіе о стремленіи чувствъ *поработать* душу. Оговорюсь, что не имѣю возможности исчерпать здѣсь поставленный вопросъ, и только постараюсь дать общую схему классификаціи и отправныя точки указанной оцѣнки чувствъ.

1) Чувства *органическія* (біологическія): мышечное, общетѣлесное (здоровья, нездоровья), голодъ, жажда, сытость, половое и др. При нормальныхъ условіяхъ, при физическомъ и душевномъ здоровьи, при обычномъ удовлетвореніи соответственныхъ потребностей организма, эти чувства не поработаютъ души. Только при ненормальныхъ условіяхъ, при отсутствіи необходимаго удовлетворенія потребностей организма, эти чувства вырастаютъ въ аффекты, поработающіе мысль, другія чувства, волю. Легче всего—именно у мужчинъ—получаетъ аномальное развитіе половое чувство (и при томъ развитіе, не оправдываемое потребностью). На этомъ пути возникаютъ излишества и извращенія, часто являющіяся симптомами разныхъ психозовъ. Если это—психозъ,—о душевной свободѣ не можетъ быть и рѣчи. Но и внѣ психоза это чувство слишкомъ часто (у мужчинъ) пріобрѣтаетъ непропорціонально-значительное мѣсто въ общей экономіи психики и является началомъ поработающимъ. Женщины въ этомъ отношеніи гораздо свободнѣе и слѣдовательно совершеннѣе мужчинъ ¹⁾).

2) *Надъ-органическія чувства*. Изъ нихъ, полагаю, слѣдуетъ признать важнѣйшимъ *любовь* между мужчиной и женщиной, въ смыслѣ столь извѣстнаго состоянія влюбленности и идеализированной страсти. Это, безспорно, одно изъ поработающихъ чувствъ. Оно, безъ сомнѣнія, развилось на основѣ біологическаго инстинкта размноженія и можетъ быть понимаемо, какъ перерожденное и идеализированное половое чувство или какъ сложная психическая «надстройка» надъ нимъ,

¹⁾ Стремленіямъ моралистовъ, проповѣдующихъ половое воздержаніе, нельзя не сочувствовать, тѣмъ болѣе, что, сколько мнѣ извѣстно, авторитетъ науки на ихъ сторонѣ. Krafft-Ebing говоритъ: Erziehung und Lebensweise haben auf die Intensität der Vita sexualis grossen Einfluss Geistig angestrenzte Thätigkeit (ernstes Studium), körperliche Anstrengung, gemüthliche Verstimmung, sexuelle Enthaltsamkeit sind der Erregung des Sexualtriebs entschieden abträglich. Die Abstinenz wirkt anfangs steigend. Bald früher, bald später, je nach constitutionellen Verhältnissen lässt die Thätigkeit der Generationsorgane nach und damit die Libido („Psychopatia sexualis“, стр. 32).

въ которой обращаютъ на себя вниманіе черты, повидимому, ничего общаго не имѣющія съ инстинктомъ размноженія и даже противорѣчащія ему (это — характерная особенность чувствъ надъ-органическихъ: на извѣстной высотѣ развитія они становятся «антиподами» соотвѣтственныхъ органическихъ чувствъ). Поэты всѣхъ временъ (надо отдать имъ справедливость) сдѣлали очень много для идеализаціи и облагороженія любви-страсти. Въ смыслѣ украшенія и поэтизаціи жизни это чувство имѣетъ свою цѣнность. (Но въ общемъ придется сказать, что оно приноситъ больше зла, чѣмъ добра. Вполнѣ умѣстное и благотворное въ юномъ возрастѣ, оно простираетъ свою власть и на старшія поколѣнія («любви всѣ возрасты покорны»), гдѣ оно — излишне и, какъ все излишнее, вредно.) Извѣстно, что глупостямъ, совершаемымъ людьми умными подъ властью этого чувства, имя — легионъ. Кромѣ глупостей, оно приводитъ и къ преступленіямъ, несчастіямъ всякаго рода, самоубійствамъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ будущемъ оно подвергнется значительнымъ измѣненіямъ въ своемъ составѣ, характерѣ и силѣ и потеряетъ ту власть и популярность, какими оно пользуется до сихъ поръ. Ужъ одно уравненіе женщинъ съ мужчинами на почвѣ общаго труда и развитія внесетъ коренныя измѣненія въ порядкѣ любовныхъ чувствъ, подогрѣваемыхъ, какъ извѣстно, различіемъ вторичныхъ половыхъ признаковъ, — а эти признаки въ извѣстной мѣрѣ уравниются въ общемъ царствѣ труда и мысли. Женщина будущаго, равноправный товарищъ мужчины на всѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности, потеряетъ тѣ утрированныя и условно-красивыя черты такъ называемой «женственности», которыя ни съ физической, ни съ духовной стороны не могутъ считаться положительнымъ приобрѣтеніемъ цивилизаціи.

3) Чувства социальныя: семейныя, общественныя, правовыя, политическія. Ихъ сфера огромна, и самыя чувства этой категоріи разнообразны до безконечности, раздѣляясь на разновидности и отличаясь по интенсивности; тутъ есть и обыкновенныя чувства, и аффекты, и страсти. Я не могу войти здѣсь въ разсмотрѣніе этого обширнаго порядка душевныхъ явленій и ограничусь нѣкоторыми соображеніями, преимущественно о тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ интересующему насъ вопросу о личности, объ ея

душевномъ равновѣсіи и ея развитіи въ направленіи наибольшей цѣльности и экономіи психическихъ силъ.

И прежде всего укажемъ, что сама личность есть продуктъ (и при томъ сравнительно-поздній) развитія общности, что она (личность, какъ особый укладъ духа) образовалась путемъ прогрессивнаго развитія именно соціальныхъ (а не органическихъ и другихъ) чувствъ. Человѣкъ былъ искони животнымъ групповымъ, общественнымъ и выступилъ на историческую сцену съ уже готовыми соціальными чувствами и стремленіями, ставшими инстинктомъ не менѣе властнымъ и слѣпымъ, чѣмъ инстинкты біологическіе. Долгія тысячелѣтія прошли, прежде чѣмъ въ нѣдрахъ общности могла образоваться личность. Многія соціальныя явленія (въ томъ числѣ и государство) предшествовали возникновенію личности, и послѣдняя унаслѣдовала разнообразныя соціальныя чувства, связывавшіяся съ до-личными общественными образованіями. Затѣмъ, въ порядкѣ историческаго развитія, эти архаическія чувства перерабатывались, видоизмѣнялись въ ту или другую сторону, переходили въ новыя чувства или совсѣмъ упразднялись. Какъ примѣръ, укажу на патріотизмъ. Въ наше время это соціальное чувство, даже въ его наиболѣе вульгарномъ видѣ, все-таки представляется гораздо болѣе сложнымъ и часто болѣе возвышеннымъ сравнительно съ патріотизмомъ античнымъ, который, въ свою очередь, не былъ единообразнымъ, а развивался въ извѣстномъ направленіи, расширяясь и облагораживаясь. Если взять его въ одномъ изъ наиболѣе раннихъ выраженій, то это окажется патріотизмъ не національный и даже не государственный въ собственномъ смыслѣ, а общинно-родовой, опиравшійся на узкіе интересы общины и на родовую религію (преимущественно культъ предковъ). Но былъ нѣкогда (и есть и нынѣ — у дикарей) «патріотизмъ» еще болѣе примитивный и грубый: это — инстинктивное тяготѣніе къ своему «человѣческому стаду» и слѣпая вражда къ другимъ такимъ же «человѣческимъ стадамъ». Сущность явленія сводится именно къ тому, что здѣсь нѣтъ еще личности, а есть только индивиды, которые внѣ стада не существуютъ и искони были стадными. Намъ трудно проникнуть въ эту своеобразную психологію, гдѣ нѣтъ личности. Но вспомнимъ, что соціальная психологія есть система психическихъ отношеній, связей и взаимодействій; эта система

существенно измѣняется вмѣстѣ съ развитіемъ организациі труда, его усложненіемъ, усовершенствованіемъ и раздѣленіемъ. На этой почвѣ впервые и создаются социальнo-психологическія основы или формы личности. Предпосылка личности это — сперва смутное, потомъ болѣе явственное сознаніе своего социальнаго положенія, своего мѣста въ общественной организациі. Прошли тысячелѣтія, пока изъ этой предпосылки могла возникнуть человѣческая личность, долго еще оставшаяся шаткой и расплывчатой. *Личность есть конечный результатъ психологической переработки индивида силами осложняющейся, прогрессирующей общественности.* Только съ появленіемъ личности становится возможной антитеза: я и общество. Индивидъ, не имѣющій личности, этой антитезы не знаетъ: онъ не противопоставляетъ себя обществу, — онъ тонетъ въ немъ. Всѣ индивиды, составляющіе группу, до неузнаваемости похожи другъ на друга даже физически, а психически ихъ совсѣмъ нельзя различить: внутренній міръ одного есть точное повтореніе внутренняго міра другого. Есть особи, но нѣтъ психологической индивидуальности, нѣтъ того обособленія личной психологіи, въ силу котораго становится возможною антитеза: я и общество. На этой ступени (на которой и въ настоящее время мы находимъ нѣкоторыхъ дикарей) индивидъ такъ тѣсно примыкаетъ къ группѣ, что у него нѣтъ психической возможности противодѣйствовать ея давленію и выбиться изъ социальныхъ узъ, опутывающихъ его со всѣхъ сторонъ. Такое общество есть арена могущественныхъ психическихъ взаимодействій и подражаній, и теорія Тарда *всецѣло* оправдывается *только* здѣсь. Мы, съ нашимъ душевнымъ укладомъ, основаннымъ на всемірно-историческомъ многовѣковомъ развитіи личности, не можемъ и представить себѣ всего гнета подражательности и всей силы социального давленія, о которыхъ мы ведемъ рѣчь. Развѣ только явленія гипноза и массовыя движенія, въ которыхъ личность временно какъ бы парализуется и устраняется, могутъ дать намъ нѣкоторое понятіе о социальной психологіи дикаря и первобытнаго человѣка, о человѣческой психикѣ до возникновенія личности. Въ нашихъ глазахъ такой укладъ представляется явленіемъ патологическимъ, и онъ дѣйствительно патологиченъ съ точки зрѣнія той социальнo-психологической

нормы, которая обусловлена самымъ фактомъ существованія личности, какъ особаго порядка психическихъ явленій.

Психологія дикарей насъ интересуеъ здѣсь постольку, поскольку она можетъ дать намъ указанія для постановки вопроса о психологической природѣ личности и о соціальныхъ условіяхъ, необходимыхъ для ея образованія. Поэтому мы имѣемъ здѣсь въ виду тѣхъ дикарей, въ психологіи которыхъ не усматривается ясныхъ признаковъ личности, и въ жизни которыхъ нѣтъ соціальныхъ образованій, безусловно необходимыхъ для расцвѣта личной психики.

Съ тѣмъ вмѣстѣ такіе дикари любопытны для насъ и по вопросу о значеніи для личности тѣхъ чувствъ, которыя я называю *надъ-соціальными*. Но объ этомъ будетъ рѣчь ниже.

VII.

Личность, — сказали мы, есть синтезъ психическихъ процессовъ индивида. На этомъ опредѣленіи остановиться нельзя: оно слишкомъ формально и не даетъ отвѣта на вопросы о характерѣ этого синтеза, объ его психологической природѣ. Вѣдь дикарь, какъ особь, также имѣетъ свой душевный синтезъ; нельзя отрицать его существованія и у животныхъ. Вообще вездѣ, гдѣ есть расчлененная и организованная физиологическая животная особь, тамъ есть и нѣкоторый синтезъ психическихъ процессовъ, данныхъ въ этой особи. Нервная система и мозгъ являются физиологической предпосылкою и необходимымъ основаніемъ психическаго объединенія. Итакъ существуютъ психическіе синтезы и до личности. Личность должна быть понимаема, какъ одинъ изъ многихъ синтезовъ, какъ особый родъ или типъ душевнаго объединенія, несвойственный животнымъ и еще не возникшій у весьма многихъ дикарей. Для осуществленія этого новаго типа синтеза необходима человѣческая общественность и при томъ прогрессирующая, цивилизующаяся. Личность — продуктъ цивилизаціи.

Отсюда понятно, какой интересъ представляетъ для насъ уясненіе характерныхъ чертъ индивидуальной психики дикаря. Оно дастъ возможность уловить тѣ особенности, которыми дикарь, *какъ психически-организованная особь*, отличается отъ цивилизованнаго человѣка, *какъ личности*. А это именно то, что намъ нужно.

Не лишнимъ будетъ сдѣлать здѣсь одну оговорку, для предупрежденія возможныхъ возраженій или сомнѣній. Могутъ замѣтить, что, если и у насъ, въ цивилизованномъ мірѣ, душа человѣка, нашего ближняго, — потемки, то тѣмъ болѣе темна и недоступна изученію душа дикаря. Могутъ указать при этомъ на шаткость и недостоверность нашихъ свѣдѣній о дикаряхъ, о многочисленныхъ ошибкахъ и недоразумѣніяхъ, иногда очень курьезныхъ, въ какія впадали путешественники и миссіонеры, имѣвшіе дѣло съ дикарями. На это мы возразимъ слѣдующее: конечно, ошибокъ и недоразумѣній было не мало, но они выясняются и исправляются. Собранъ большой запасъ достовѣрныхъ и цѣнныхъ наблюдений, уже составившихъ положительное достояніе науки. Затѣмъ нужно различать между наблюденіями надъ учрежденіями, бытомъ, вѣрованіями и т. д. дикарей съ одной стороны, и тѣми, которыя относятся къ ихъ индивидуальной психологіи — съ другой. Насколько легко ошибиться въ области первыхъ, настолько легко дать правильныя и точныя свѣдѣнія относительно второй. Бытъ, учрежденія, вѣрованія дикарей настолько чужды намъ, мы такъ далеко ушли впередъ, что самый осторожный и свѣдущій наблюдатель рискуетъ не понять смысла того или другого обычая, невѣрно оцѣнить характеръ того или иного учрежденія. Другое дѣло — индивидуальная психика дикаря. Она настолько несложна, незамысловата и наивна въ своихъ обнаруженіяхъ, что наблюдатели имѣли полную возможность уяснить себѣ и намъ важнѣйшія и постоянныя черты душевной жизни дикаго человѣка, — и, можно смѣло сказать, мы имѣемъ теперь достаточно-вѣрное о ней представленіе, если не въ подробностяхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ общемъ и существенномъ.

Это представленіе сводится къ слѣдующему:

1) *Слабость умственныхъ процессовъ.* Мысль дикаря ничтожна и по количеству, и по качеству. Малѣйшее умственное усиліе утомляетъ его; онъ не способенъ мыслить послѣдовательно въ опредѣленномъ направленіи; его мышленіе хаотично, не систематизировано; оно скудно общими понятіями и держится въ предѣлахъ конкретнаго; можно сказать, что дикари совсѣмъ не имѣютъ того, что логика называетъ *понятіемъ*, — они *мыслятъ предметно*. Въ связи со скудостью мысли, конечно, стоитъ и низкій уровень языка. Архаич-

ность, невыработанность грамматического строя это — только другая сторона той же медали; скудость языка есть скудость мысли.

2) *Преобладание сферы чувствъ въ общей экономіи психики.* При этомъ нужно имѣть въ виду, что по содержанию сфера чувствъ у дикаря развѣ лишь немногимъ богаче сферы его мысли (въ особенности замѣтно отсутствіе высшихъ — человѣчныхъ — чувствъ, и бросается въ глаза преобладаніе низшихъ). Выдающееся значеніе чувствъ въ психикѣ дикаря основано не на богатствѣ этой сферы, а на ея функціи. Она бѣдна, но ея дѣятельность энергична. Чувства дикаря легко воспламеняются и переходятъ въ *аффекты*. Подобно ребенку, онъ вѣчно во власти душевныхъ волненій, сопровождающихся слезами и смѣхомъ. Онъ въ высокой степени *эмоціоналенъ*. Оттуда и тотъ фактъ, что мысль дикаря почти всегда связана, можно сказать, *окрашена* чувствами и эмоціями.

3) *Слабость задерживающей воли.* Подчиняясь власти аффектовъ, дикарь не въ силахъ воздержаться отъ моментальнаго приведенія въ дѣйствіе своихъ стремленій или вождельній. Дѣйствіе слѣдуетъ такъ фатально, можно сказать, автоматически за импульсомъ аффекта, что наблюденія, сюда относящіяся, приводятъ даже къ сомнѣнію въ существованіи у многихъ дикарей нравственнаго чувства. Зачастую дикари являютъ зрѣлище, поразительно совпадающее съ тѣмъ, что психіатры называютъ *нравственнымъ помѣшательствомъ*, подобно тому, какъ въ умственной сферѣ бросаются въ глаза черты, напоминающія картину *слабоумія*.

На основѣ этого общаго представленія о психикѣ дикаря у насъ складывается воззрѣніе на ея синтезъ, какъ на очень плохой, некрѣпкій. Если *наша* психика не можетъ считаться хорошо объединенной, если *нашъ* синтезъ личности еще очень далекъ отъ совершенства, то психика дикаря гораздо хуже организована и явно сближается съ нѣкоторыми формами психозовъ душевной дезорганизации. Душѣ дикаря недостаетъ какихъ-то скрѣпъ, какихъ-то связующихъ и объединяющихъ началъ, которые бы могли дать извѣстную устойчивость его психикѣ, оживить и укрѣпить работу мысли, подчинить дѣятельность чувствъ извѣстной нормѣ, воспитать задерживающую волю. Обращаясь къ этимъ, отсутствующимъ у дикаря, *скрѣпамъ*, мы сейчасъ усматриваемъ, во-первыхъ,

ихъ социальное и цивилизаторское значеніе, во-вторыхъ, ихъ несомнѣнную важность для образованія *личности*.

Въ ряду этихъ психическихъ скрѣпъ, объединяющихъ личность, упомянемъ прежде всего о той, которая тѣснѣйшимъ образомъ связана съ развитіемъ языка и умственной дѣятельности. Это именно національность. Всѣ мы имѣемъ національность, и наша психика работаетъ на ея основахъ, въ ея формахъ, а потому мы и не замѣчаемъ психологическаго значенія національности для правильнаго развитія, для нормальнаго отправленія душевныхъ функцій личности, какъ не замѣчаемъ своего здоровья или воздуха, которымъ дышимъ. Только наблюдая случаи денационализаціи, г. е. тѣ, когда люди утратили свою національность, а другую еще не приобрѣли, мы можемъ замѣтить огромное значеніе этой психической скрѣпы: денационализація ведетъ къ упадку личности, къ ослабленію ея умственной дѣятельности, къ нравственному разложенію.

Что такое національность? Не легко отвѣтить на этотъ вопросъ, но можно указать на главнѣйшій признакъ явленія національности: это именно—объединеніе социальныхъ группъ въ болѣе обширную группу на почвѣ общаго языка, достигшаго извѣстной высоты развитія и являющагося психическимъ основаніемъ для коллективной умственной дѣятельности, стремящейся возвыситься надъ тѣмъ, что непосредственно дано въ языкѣ. Национальность должна быть признана тамъ, гдѣ уже есть настоящий языкъ (а не собраніе говоровъ) и общіе умственные интересы, органомъ которыхъ и служить языкъ; эти умственные интересы выражаются въ творествѣ,—въ поэзіи, мифѣ, въ начаткахъ религіознаго сознанія. Это—первые шаги, это—симптомы возникновенія національности. Въ дальнѣйшемъ, вѣками культурнаго развитія, національность вмѣстѣ съ языкомъ превращается въ ту психологическую форму личности, которая придаетъ ей своеобразный душевный складъ, ничуть не опредѣляя ея положительнаго содержанія.

У дикарей нѣтъ національности, потому что нѣтъ объединенія въ языкъ и творествѣ, на немъ основанномъ. «Языки» дикарей называются такъ только для краткости: это—не языки и даже не діалекты, а только—*говоры*, весьма неустойчивые, разнообразящіеся въ лексическомъ отношеніи отъ поселка къ поселку, отъ орды къ ордѣ, измѣняющіеся до неузнаваемости

черезъ два-три поколѣнія, при чемъ ихъ формальный характеръ остается неподвижнымъ или, по крайней мѣрѣ, измѣняется слишкомъ медленно, для того чтобы эти измѣненія могли такъ или иначе повліять на развитіе мысли. Здѣсь нѣтъ традиціи языка, какъ органа умственнаго творчества. Это—не языкъ, образующій высшую мысль, это только—даръ рѣчи для практическихъ цѣлей, для общенія. Зачатки поэзіи и мифа, конечно уже имѣющіеся въ наличности, слишкомъ ничтожны, слишкомъ неустойчивы при такомъ «языкѣ», чтобы на нихъ можно было смотрѣть, какъ на залогъ будущаго развитія мысли. Иначе говоря, у дикарей нѣтъ того широкаго общенія и психическаго взаимодѣйствія, на почвѣ котораго возникаетъ національность съ ея особымъ складомъ и ея творчествомъ.

Чтобы лучше оцѣнить все значеніе этого факта, обратимся къ цивилизованному человѣку, *который данъ вмѣстѣ съ національной формой, а также снабженъ и другими психическими формами*, кромѣ національной; мы поведемъ рѣчь и о нихъ, чтобы объединить въ одномъ фокусѣ роль формальныхъ элементовъ и выяснить ихъ значеніе для личности.

Всякій, кто хоть немного вдумывался въ психологическій составъ личности, какъ она дана въ цивилизованномъ мірѣ, знаетъ, конечно, какъ много въ этомъ составѣ того, что должно быть понимаемо, какъ *форма личности*, въ отличіе отъ ея содержанія. Формальными элементами являются тѣ черты, которыя личность воспринимаетъ изъ: 1) національной среды, 2) изъ класса, къ которому она принадлежитъ, 3) отъ своего профессиональнаго положенія въ обществѣ и т. д. Въ каждомъ изъ насъ можно найти цѣлый рядъ такихъ формъ. Если, выражаясь фігурально, произвести поперечный разрѣзъ личности, то такой «разрѣзъ» обнаружилъ бы рядъ концентрическихъ круговъ: самый широкій изъ нихъ *національный* (положимъ, субъектъ—русскій), затѣмъ—кругъ, слагающійся изъ *историческихъ классово-сословныхъ чертъ* (напр., дворянинъ, потомковъ бояръ или князей), далѣе—кругъ изъ современныхъ классовыхъ отношеній (хотя и дворянинъ, и «потомокъ», но въ то же время типичный для современности буржуа-капиталистъ), потомъ—кругъ изъ чертъ профессиональных (долго служилъ по выборамъ и усвоилъ типичныя черты

земскаго дѣателя), наконецъ—кругъ изъ чертъ мѣстныхъ (типичный провинціалъ или типичный москвичъ). Такихъ «круговъ» у одного можетъ быть больше, у другого меньше; одни изъ нихъ представляются не яркими, малозамѣтными, другіе—гораздо ярче, устойчивѣе и сохраняютъ свое значеніе при всевозможныхъ перемѣнахъ въ судьбѣ человѣка: таковъ «кругъ» національный, а также—нѣкоторые изъ классовословныхъ, исторически развившихся и слагающихся изъ чертъ, передаваемыхъ наслѣдственнымъ путемъ (сюда можно отнести, напр., формальные признаки духовенства, ставшіе типичными и нерѣдко сохраняющіеся у лицъ, вышедшихъ изъ духовенства, но къ нему не принадлежащихъ, избравшихъ другое поприще). *Не всѣ, но огромное большинство* этихъ формъ должны быть признаны съ этической стороны безразличными и нравственной оцѣнкѣ не подлежащими. Только немногія изъ нихъ, именно изъ числа узко-профессіональныхъ, связанныхъ съ дѣятельностью, подвергающейся нравственному сужденію (одобренію или порицанію), по необходимости подпадаютъ подъ нравственную оцѣнку (положительную, напр., для сестеръ милосердія, для миссіонеровъ и т. д., отрицательную—для ростовщиковъ, для воровъ,—ибо есть и такія профессіональныя формы). Нетрудно видѣть, что возможность нравственной оцѣнки увеличивается по мѣрѣ того, какъ «круги» суживаются. Самый широкій—національный—никакого отношенія къ этикѣ не имѣетъ и не можетъ имѣть (весьма, къ сожалѣнію, распространенное стремленіе приписывать нравственныя качества, положительныя или отрицательныя, разнымъ національностямъ, какъ таковымъ, есть одно изъ самыхъ прискорбныхъ и зловредныхъ недомыслий). Къ этикѣ могутъ имѣть отношеніе только тѣ круги, которые ближе всего подходятъ къ центру,—къ той центральной точкѣ, гдѣ помѣщается самое содержаніе личности съ ея особымъ физиологическимъ строемъ, ея темпераментомъ, ея умственнымъ складомъ, ея нравственностью, волевымъ упорядоченіемъ, личными особенностями характера, вкусовъ, стремленій и т. д. Всѣ окружающіе эту точку концентрическіе круги формъ, какъ обручами, сжимаютъ и скрѣпляютъ личность. Они-то и объединяютъ ее, они вносятъ чрезвычайно важный вкладъ въ дѣло организаціи личности, въ дѣло созданія ея синтеза.

Дикарь не имѣетъ перваго и важнѣйшаго «круга» — національности, какъ это было указано выше; другихъ круговъ — классовыхъ, профессиональных — у него также нѣтъ за отсутствіемъ правильнаго, организованнаго труда ¹⁾. Сама организація общественнаго труда едва-ли и возможна безъ предварительнаго образованія народности, хотя бы въ ея зачаткахъ. Возникновеніе народности (элементарной національности) означаетъ ту степень объединенія группъ и созданіе той, такъ сказать, системы духовныхъ силъ, которые и пролагаютъ путь къ организаціи общественнаго труда съ его раздѣленіемъ, съ его постояннымъ стремленіемъ къ усовершенствованію. Это раздѣленіе труда и ведетъ къ образованію классовъ съ ихъ классовыми психологическими формами личности.

Человѣческая *до-личная особь*, приобретающая національную «физиономію», участвуя въ общемъ трудѣ и усваивая классовую форму психики, постепенно превращается въ *личность*.

Историческое развитіе и усовершенствованіе національных формъ есть процессъ развитія и усовершенствованія личностей со стороны ихъ основного — національно-психологическаго — синтеза. Историческая смѣна классовыхъ формъ есть историческая смѣна общественныхъ типовъ личностей. Рядомъ съ этимъ идетъ усиленіе разнообразія, увеличеніе сложности личности. Два лица, принадлежація къ одной національности, могутъ разниться со стороны классовой формы; принадлежа къ одной національности и имѣя одну и ту же классовую форму, они могутъ различаться со стороны профессиональной формы и т. д. Наконецъ, способъ сочетанія разныхъ формъ между собою и ихъ общее воздѣйствіе на индивидуальное содержаніе личности бываютъ крайне различны и соотвѣтственно приводятъ къ различнымъ результатамъ.

Можно было бы предпринять сравнительное изученіе всѣхъ классовыхъ формъ съ точки зрѣнія ихъ воздѣйствія на индивидуальное содержаніе личности и на то, что я называю ея психологической *скрипюю*. Вопросъ гласилъ бы: какія изъ этихъ

¹⁾ Читатель понимаетъ, что, говоря о дикаряхъ, мы все время имѣемъ въ виду настоящихъ дикарей, а не тѣ полудикія племена, которыхъ можно отнести подъ понятіе „варварства“ и которые имѣютъ свою „культуру“, политическую организацію, жрецовъ, систему вѣрованій, сложные обычаи и т. д. Таковы, напр., дагомейцы, кафры и др. африканскія племена, также большинство краснокожихъ, — все это не „дикари“, а „варвары“. Настоящіе дикари это, напр., *ведды* (на Цейлонѣ), *акка* (карлики Швейнфурта) и др.

формъ наиболѣе благопріятны для внутренняго усовершенствованія людей и для усиленія цѣльности, связности, душевной гармоніи личности? Такой вопросъ привелъ бы и къ постановкѣ другого: нельзя ли въ исторіи смѣны классовыхъ психологическихъ формъ уловить признаки прогрессивнаго развитія самой личности? Это возвращаетъ насъ къ тому тезису, который мы выставили въ началѣ статьи. Тезисъ гласитъ, что эволюція психики человѣческой еще далеко не закончена, что душа или, лучше, ея синтезъ,—личность современнаго человѣка, въ ея даже наилучшихъ выраженіяхъ,—представляетъ значительныя несовершенства организаціи. Эволюція психики продолжается. Такъ вотъ, говоря объ исторически-смѣняющихся классовыхъ формахъ личности и подымая вопросъ оцѣнки ихъ относительнаго совершенства и психологическаго достоинства, мы и обращаемся вновь къ указанному основному тезису и спрашиваемъ: не есть ли историческая смѣна классовыхъ формъ только частный случай, эпизодъ въ эволюціи психики человѣческой, и, напр., образованіе и расцвѣтъ буржуазной формы—это былъ прогрессъ, шагъ впередъ въ эволюціи личности, а новая форма, грядущая на смѣну буржуазной, будетъ дальнѣйшимъ шагомъ въ этомъ направленіи?

Такая постановка вопроса предполагаетъ, что у насъ есть или можетъ найтись положительный критерій для опредѣленія *относительнаго совершенства личности*, какъ синтеза формальныхъ элементовъ съ элементами содержанія психики. Мнѣ кажется, за такимъ критеріемъ ходить не далеко. Очевидно, во-первыхъ, что *содержаніе* личности должно быть по возможности совершеннымъ, т. е. состоять изъ всего лучшаго, что до сихъ поръ было выработано цивилизаціей. Цивилизація выработала рядъ высшихъ идей, чувствъ и стремленій: они должны быть въ наличности, такъ чтобы человѣкъ имѣлъ право сказать: я—человѣкъ, и ничто—лучшее—человѣческое мнѣ не чуждо. Во-вторыхъ, все худшее человѣческое (и до-человѣческое), все унаслѣдованное отъ болѣе или менѣе дикаго прошлаго и превратившееся въ бодрствующіе или заглохшіе инстинкты, въ ряду которыхъ есть чисто-звѣрскіе, должно быть нейтрализовано, подавлено и пребывать въ скрытомъ состояніи, если ужъ оно не можетъ быть совсѣмъ выброшено изъ души ¹⁾. Въ-третьихъ,

¹⁾ Кажется, не можетъ. Законъ сохраненія психическихъ элементовъ еще не установленъ, но, повидимому, дѣло идетъ къ тому.

двѣ души, мыслящая и чувствующая, должны быть по возможности лучше и тѣснѣе скрѣплены и прилажены другъ къ другу, такъ чтобы не было между ними разлада, и чтобы онѣ сливались въ гармоничномъ синтезѣ, если можно такъ выразиться, въ третьей душѣ, которую въ самомъ дѣлѣ «не разрѣжешь, какъ яблоко». Весьма возможно, что въ порядкѣ эволюціонномъ эта «третья душа» и создается, и ея характернымъ признакомъ будетъ могучее развитіе *задерживающей воли*, о какомъ теперь мы, съ нашей слабОВОЛЬНОЙ психикой, и понятія имѣть не можемъ. Эта «третья душа» подымется въ сферу высшую, господствующую надъ мыслью и надъ чувствомъ, въ сферу нравственную.

VIII.

Созданіемъ національныхъ, классовыхъ и прочихъ социальныхъ формъ не исчерпываются тѣ условія и предпосылки, какія выработала цивилизація и которыя служатъ психологическими скрѣпами личности. Есть еще и другія, не менѣе, если не болѣе важныя скрѣпы. Онѣ-то и являются какъ бы предвѣстниками того процесса, который мы только-что назвали созданіемъ «третьей души». Это—особый порядокъ чувствъ, которыя, не взирая на ихъ весьма вѣроятное *соціальное происхождение*, я считаю болѣе правильнымъ выдѣлить въ особую рубрику. Я предлагаю называть эти чувства «*надъ-соціальными*». Разсмотрѣніе этой четвертой рубрики окончательно выяснитъ намъ тотъ критерій, который необходимъ для оцѣнки относительнаго совершенства личности, какъ синтеза психическихъ процессовъ.

Итакъ, 4) *чувства надъ-соціальныя*. Едва-ли можно сомнѣваться въ ихъ социальномъ происхожденіи, хотя, строго говоря, ихъ генезисъ еще не можетъ считаться окончательно раскрытымъ наукою. Я лично принимаю ихъ социальное происхождение, но думаю, что, разъ возникши въ нѣдрахъ общественности, они, даже въ своемъ элементарномъ видѣ, сразу приобрѣли особое психологическое значеніе и назначеніе, не умѣщающееся въ рамки явленій чисто-социальныхъ. Первыми изъ этой категоріи чувствъ, въ эволюціонномъ порядкѣ, образовались уже въ глубокой древности *чувство религиозное и чувство элементарно-нравственное*. Пусть ихъ социальное

происхожденіе есть вопросъ, еще не рѣшенный, но ихъ крайне узкое, тѣсно-соціальное значеніе на раннихъ ступеняхъ развитія не можетъ подлежать сомнѣнію. У дикарей (тѣхъ, у которыхъ они имѣются) и въ отдаленной древности культурныхъ народовъ они, если можно такъ выразиться, насквозь пропитаны соціальностью и запечатлѣны рѣзкимъ характеромъ общественной утилитарности. Но, по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія, весьма рано обнаруживаются ихъ *сверхъ-соціальныя* стремленія. Очень скоро (хоть и спорадически, у отдѣльных лицъ) оказывается, что религія и этика мѣтатъ куда-то выше общества и нерѣдко вступаютъ въ конфликтъ съ другими чисто-соціальными психическими образованіями. Все болѣе и болѣе сфера ихъ дѣйствія переносится *въ самый центръ личности, въ индивидуальное «я»*. Образуется религиозное сознаніе и нравственный императивъ, какъ интимное достояніе личности, надъ которымъ общество не властно, и развитіе которыхъ можетъ поднять личность выше общества. По своей психологической природѣ, какъ она довольно рано обнаружилась, религиозное сознаніе (или чувство) и нравственный императивъ представляются психическими образованіями особаго порядка. Ихъ отличительная черта въ томъ, что они—*не только чувство, но и мысль*. Назвать ихъ простыми ассоціаціями мысли и чувства нельзя: вѣдь ихъ нельзя разложить на мысль и на чувство, какъ это легко дѣлается съ ассоціаціями. Говоря такъ, я имѣю въ виду *не содержаніе* религиознаго сознанія или нравственнаго чувства (напр., вѣра въ Бога по такому-то вѣроученію, нравственное признаніе такого-то правила, напр., «не убій» и т. д.), а самое-то религиозное сознаніе и нравственный императивъ, какъ форму, бодрствующую въ душѣ человѣка и воспринимающую то или иное исторически данное содержаніе. Такъ вотъ возьмите эту *форму*, эту *категорію* религиозности и этики, и вы увидите, что онѣ—*не разложимы*. Это, говоря фигурально, какъ бы «психическіе атомы» той «третьей души», о которой была рѣчь выше. Но въ то же время мы по опыту знаемъ, что онѣ, *эти формы*, сказываются какъ чувство и проявляются какъ мысль. Никто не будетъ отрицать, что религиозность есть чувство: оно достаточно ярко окрашено, чтобы субъектъ, его имѣющій, не сомнѣвался въ его принадлежности къ душѣ чувствующей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно хоть немного вникнуть въ осо-

бый характеръ этого чувства, чтобы убѣдиться въ слѣдующемъ: въ противоположность другимъ чувствамъ, *оно есть сужденіе*. Въ нравственномъ императивѣ этотъ характеръ *сужденія* проявляется еще отчетливѣе: любое движеніе нравственного чувства, первый лепетъ *совѣсти есть уже скрытое сужденіе, чуть ли не силлогизмъ*. Это значить, что это не только чувство, но и мысль, и при томъ не «механически» (ассоціативно) связанныя другъ съ другомъ, а такъ, что это—мысль постольку, поскольку чувство, и, наоборотъ,—чувство постольку, поскольку мысль.

Принимая во вниманіе эту двойственность природы религіознаго и этическаго и ихъ неразложимость на мысль, отдѣльную отъ чувства, и чувство, отдѣльное отъ мысли, мы приходимъ къ воззрѣнію на эти психическія образованія, какъ на самыя несомнѣнныя проявленія *настоящаго психическаго синтеза личности*. Какъ ни далека отъ совершенства организація души человѣческой,—въ ней все-таки есть задатки или фактическія доказательства возможности лучшей организаціи, созданія болѣе прочнаго синтеза, сліянія двухъ душъ, мыслящей и чувствующей, въ одну—вышую. Начало этого сліянія уже осуществилось въ двухъ душевныхъ пунктахъ—въ религіозномъ и этическомъ. Оттуда ясно, какое огромное значеніе принадлежитъ религіозному и нравственному прогрессу человѣчества, разсматриваемому съ точки зрѣнія постепеннаго усовершенствованія личности, созданія ея цѣльности и единства.

Выше мы указывали на прогрессъ національности, на историческую смѣну классовыхъ формъ, какъ на процессъ развитія самой личности. Теперь въ религіозномъ и этическомъ узлахъ психики мы находимъ другое орудіе или факторъ того же развитія. И это второе орудіе тѣмъ важнѣе, что оно, создавая и скрѣпляя личность, въ то же время вышаетъ ее надъ чисто-соціальной стихіей и дѣлаетъ чело-вѣка существомъ сверхъ-соціальнымъ, существомъ религіознымъ и нравственнымъ сперва въ возможности, а потомъ и фактически, въ мѣру прогрессивнаго развитія самого содержанія религіи и этики.

Во избѣжаніе недоразумѣній, поясню, что «сверхъ-соціальность» не значить выходъ изъ предѣловъ общественности въ какія-то эмпиреи. Нѣтъ, надъ-соціальныя стороны

человѣка вмѣстѣ съ нимъ остаются въ предѣлахъ общественности (изъ нихъ некуда выйти),—все равно какъ соціальное, въ свою очередь, остается въ предѣлахъ біологическихъ, не совпадая съ процессами біологическими, но развиваясь на ихъ основѣ. Находясь въ нѣдрахъ соціальности, все надъ-соціальное не остается равнодушнымъ зрителемъ общественной эволюціи, но является по-своему могущественнымъ ея двигателемъ. Вѣроятно, такова же роль соціальности въ предѣлахъ біологическихъ: силою соціального прогресса образовался и продолжаетъ біологически совершенствоваться самый видъ *homo sapiens*.

Въ отличіе отъ другихъ чувствъ или, по крайней мѣрѣ, ихъ большинства, религіозное и нравственное чувства являются процессами, сберегающими и накапливающими психическую силу. И съ этой стороны они еще явственнѣе выступаютъ въ роли дѣйствующихъ факторовъ прогресса общественности. Въ томъ, что они, подобно мысли, сберегаютъ и накапливаютъ душевную силу,—въ этомъ не трудно убѣдиться изъ наблюденій надъ укрѣпляющимъ, оздоравливающимъ дѣйствіемъ религіознаго сознанія и нравственнаго императива на всю психику. При этомъ поучительны психопатологическіе случаи ихъ исчезновенія или извращенія. Какъ причастныя мышленію, какъ своеобразныя чувства-сужденія, они обобщаютъ, подводятъ подъ опредѣленные нормы все разнообразіе отношеній человѣка къ человѣку и къ божеству (или космосу), на подобіе того, какъ обобщающіе процессы мысли (понятія, идеи), упорядочиваютъ и упрощаютъ разнообразіе и безконечное множество конкретныхъ представленій.

Эта сторона — сбереженіе и накопленіе психическихъ силъ — явственно сказывается въ томъ, что религіозное сознаніе и нравственный императивъ выступаютъ въ исторіи человѣчества какъ силы *творческія*. А во всемъ психическомъ *творчество* можетъ быть только тамъ, гдѣ есть *сбереженіе силы*. Вспомнимъ великія всемірно-историческія религіозныя движенія, вспомнимъ великія этические доктрины: какъ много душевныхъ силъ освободилось въ нихъ и выступило какъ дѣятельный факторъ прогресса. Это значитъ, что въ порядкѣ религіозной и нравственной эволюціи вѣками накопился огромный запасъ силъ. Накопленіе предшествуетъ освобожденію, и само творчество, какъ освобожденіе связан-

ной силы, не есть растрата накопленного и всегда ведетъ къ новому накопленію, которое обнаружится раньше или позже.

IX.

9.

Нѣсколько поясненій, относящихся къ психологической природѣ религіознаго сознанія и нравственнаго чувства, какъ я ее понимаю, будутъ здѣсь нелишними.

Обыкновенно принято думать, что гдѣ есть человѣкъ, хотя бы и самый дикій, тамъ уже есть и религіозное сознаніе, по крайней мѣрѣ въ его начаткахъ. Мнѣ кажется, это—ошибка, происшедшая оттого, что изслѣдователи невольно приписываютъ дикарю позднѣйшія психическія образованія, которыхъ, въ сущности, онъ не имѣетъ. Когда ученые, собирая и сопоставляя отдѣльныя черты такъ называемыхъ «вѣрованій» дикаря, возстановляютъ или сооружаютъ изъ нихъ цѣльное «миѳологическое міровоззрѣніе», то они, сами того не замѣчая, впадаютъ въ миѳологическое творчество: они великодушно берутъ на себя трудъ созданія «миѳовъ» и «вѣроученій», *котораго дикарь не продолжалъ и продолжать не можетъ*. И если бы такое «міровоззрѣніе» предъявили дикарю, то онъ бы его не понялъ и не узналъ бы въ немъ своихъ представленій и вѣрованій. Онъ не имѣетъ системы миѳологическихъ воззрѣній. Для созданія системы, необходимо извѣстное развитіе мысли, какого у дикаря нѣтъ. Наиболѣе примитивныя миѳологическія воззрѣнія, каковы анимизмъ, тотемизмъ, фетишизмъ, едва-ли могутъ быть названы системою міровоззрѣнія, и уже навѣрно нельзя ихъ назвать религіозными вѣроученіями. *Это—не религія*, это только матеріалъ для будущаго религіознаго міровоззрѣнія, которое, при благопріятныхъ условіяхъ (у народа прогрессирующаго), можетъ развиваться оттуда, но у настоящихъ дикарей фактически не развилось. Зачатки миѳологической системы найдутся только у племенъ, уже перешедшихъ отъ дикости къ варварству. Анимистическія и фетишистическія представленія дикаря, въ ихъ грубѣйшемъ видѣ, это—только продукты его способа воспринимать и ассоціировать впечатлѣнія. Это—формы его мышленія, которое еще не возвысилось до степени логическаго и остается еще психологическимъ и не-

развитымъ грамматическимъ. Съ такими «языками», какими располагають дикари, нельзя не только обобщать и строить системы, но и вообще мыслить элементарно-логически. Это—мышление, окрашенное чувствами, аффектами и воспріятіями волевыхъ движеній и потому приписывающее всѣмъ вещамъ одушевленность, чувство, волю. Фетишизмъ и анимизмъ—это только совокупность *обыденныхъ сужденій* дикаря, въ которыхъ не видать сколько-нибудь ясно выраженныхъ категорій религіозности и нравственности.

Только на извѣстной высотѣ мышленія, обусловленной прежде всего развитіемъ языка, открывается возможность объединенія, систематизаціи представленій, переработанныхъ въ *понятія*, и это—уже *творчество* и *логика*, къ которымъ дикарь психологически и лингвистически неспособенъ. Настоящая міѳологія, какъ система воззрѣній, какъ архаическая философія, и одновременно съ нею зачатки религіознаго сознанія возникаютъ вмѣстѣ съ творчествомъ и логикою мысли. Это—продукты высшаго, а не обыденнаго мышленія. Преданія, приурочивающія великія религіозныя системы къ великимъ именамъ, заключаютъ въ себѣ зерно великой правды. Религіозныя системы древности (у семитовъ и индоевропейцевъ это особливо ясно) только своимъ міѳологическимъ матеріаломъ принадлежать коллективному творчеству, дѣйствовавшему въ теченіе долгихъ вѣковъ; но объединеніе этого матеріала въ систему, одухотвореніе его религіозной идеей, созданіе вѣроученія и догмы—все это столь же мало могло быть дѣломъ коллективнаго творчества массъ, какъ и первыя завоеванія науки, напр., открытіе Пиагоровой теоремы. Какъ въ философіи и наукѣ, такъ и въ религіяхъ мы имѣемъ результаты многовѣковой умственной дѣятельности не массъ, а представителей высшей мысли, съ ихъ школами, направленіями, борьбою мнѣній и ученій, наконецъ съ проявленіями таланта и геніальности.

Въ глубокой древности, когда у культурныхъ народовъ впервые возникали основы первобытныхъ религій, *религіозное чувство* было *почувствовано* лишь немногими,—личностями исключительно одаренными. Если можно такъ выразиться, это было въ своемъ родѣ «открытіе», только въ сферѣ чувствъ. И, конечно, оно должно быть отнесено къ числу величайшихъ завоеваній человѣческаго генія. Впослѣдствіи,

послѣ долгой и упорной работы мысли и упражненія чувства, въ теченіе ряда вѣковъ, были въ этой области сдѣланы новыя великія открытія и новыя завоеванія еврейскими пророками и индійскими мудрецами.) Тогда окончательно выяснилась природа религіознаго чувства, его психологическій составъ, который у первыхъ творцовъ религіи былъ, конечно, еще смутнымъ и темнымъ. Въ своемъ развитомъ видѣ религіозное чувство являетъ двѣ стороны, два стремленія: *стремленіе къ космическому* (идея и чувство связи человѣческаго я съ божествомъ, съ космосомъ) и *стремленіе къ человѣческому* (сознаніе человѣчности, какъ антитезы божественному, космическому, и самый культъ, какъ религіозное учрежденіе, построенное и развиваемое въ интересахъ человѣчества).

Зачатіе въ душѣ человѣческой этихъ двухъ тягъ—космической и человѣческой—было огромнымъ шагомъ впередъ: возникъ узелъ, связующій мысль съ чувствомъ, явилось начало, объединяющее души, и вмѣстѣ съ тѣмъ началась новая высшая работа и мысли, и чувства, невѣдомая дикарю. Мысль о божествѣ, хотя бы и грубая, есть уже умственный трудъ, ведущій къ упорядоченію представленій и нечувствительно, шагъ за шагомъ, толкающій впередъ—къ постановкѣ вопросовъ: какъ, почему, откуда, зачѣмъ и т. д. въ отношеніи явленій природы, а также и фактовъ человѣческой жизни. Поэтому такъ рано, уже въ глубокой древности, выступаютъ наружу натуръ-философскія, космогоническія, этическія идеи религій. Какъ систематизирующій и обобщающій трудъ мысли, это былъ процессъ накопленія и сбереженія силъ. Но съ нимъ былъ неразрывно связанъ особый порядокъ чувствъ—религіозныхъ. Въ своемъ болѣе архаическомъ видѣ, этотъ порядокъ сводился (насколько мы можемъ судить по даннымъ древнѣйшей исторіи религіи) къ немногимъ основнымъ чувствамъ, въ ряду которыхъ особенно замѣтно *чувство близости* къ божеству, родъ самоувѣренности, основанной на убѣжденіи, что человѣкъ владѣетъ своимъ божествомъ, дѣйствуя на него магическою силою молитвъ и заклинаній. Весьма правдоподобно, что далекіе, дорелигіозные корни этого своеобразнаго чувства скрываются въ первобытномъ «фетишизмѣ» ¹⁾. Рели-

¹⁾ Это понятіе „первобытнаго фетишизма“ нужно отличать отъ позднѣйшей и искаженной формы его, которую мы находимъ у современныхъ негритянскихъ племенъ въ Африкѣ.

гіозная работа мысли облагородила это чувство, и оно, сочетаясь съ другими (умиле́ніе, благодарность, страхъ, почтене́), съ теченіемъ времени совсѣмъ ступе́валось, чему, конечно, много способствовало постепенное удале́ніе божества отъ челове́ка. Божественное отъ явленій близкихъ, доступныхъ челове́ку (огонь, окружающая природа—горы, долины, рѣ́ки, ручьи, камни, деревья и т. д.) переносилось на болѣе отдаленныя, на небеса, вселялось въ солнце, звѣзды, луну; потомъ, постепенно отдѣляясь отъ явленій, таинственно скрывалось за кулисами природы, незримо ею управляя; потомъ само обобщаясь и объединяясь, все дальше отходило отъ природы, все рѣшительнѣе освобождалось отъ матеріальныхъ атрибутовъ, все болѣе одухотворялось и, наконецъ, исчезало въ пространствахъ космическихъ. Въ мѣру этой эволюціи идеи совершалась и эволюція религіознаго чувства: челове́къ становился благоговѣ́йнѣе и смиреннѣе, и его молитва уже давно перестала быть заклинаніемъ,—она стала просьбою, поклоненіемъ, изліяніемъ души, исповѣданіемъ. Перенесеніе божественнаго изъ ближайшей обстановки въ среду космическую, вмѣстѣ съ его объединеніемъ и одухотвореніемъ, означало переработку религіознаго чувства изъ узко-утилитарнаго и наивнаго въ идеальное, высшее, мистическое. Это не могло не отразиться и на другой тягѣ религіи—человѣческой: отъ узкой практики культа божествъ природы и культа предковъ народы переходятъ къ всемірнымъ религіямъ, въ которыхъ мѣстный и національный характеръ религіи вытѣсняется международнымъ, общечеловѣческимъ.

Идея человечества впервые возникла (именно у еврейскихъ пророковъ) на почвѣ религіознаго чувства и сознанія.

Въ дальнѣйшемъ развитіи, на новыхъ путяхъ познанія и творчества, двѣ тяги, двѣ половины религіозности, выдѣляясь въ особыя дѣятельности мысли, *преобразовались одна—космическая—въ метафизику и науку, другая—человѣческая—въ искусство.*

Въ своемъ историческомъ развитіи, отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, метафизика, научная философія и сама положительная наука пронесли черезъ вѣка скрытую, тайную искру религіозности. Въ нихъ космическія стремленія человечества находятъ себѣ высшее выраженіе. Въ нихъ чувство мистичности сущаго растеть и крѣпнеть, преобразуясь въ

новое душевное явленіе или движеніе, явственно обозначившееся только въ сравнительно недавнее время. Оно свойственно великимъ мыслителямъ и ученымъ и ближайше связывается съ *идеей безконечнаго*, которая служить необходимымъ психологическимъ и логическимъ основаніемъ какъ метафизическаго, такъ и научно-философскаго, а равно и спеціально-научнаго познанія.

Съ своей стороны и искусство пронесло черезъ вѣка тайную искру религіозности, которая въ немъ дана въ формѣ этической, потому что искусство есть выраженіе не космическихъ, а человѣческихъ стремленій.

Это приводитъ насъ къ поясненію того понятія о сверх-соціальности нравственности, которое мы намѣтили выше. Къ сказанному тамъ добавимъ, что, по нашему разумѣнію, *нравственный императивъ*, имѣвшій происхожденіе чисто-соціальное, превратился въ нѣчто, возвышающееся надъ общественностью, именно благодаря тому, что уже въ глубокой древности онъ былъ переработанъ религіознымъ чувствомъ. Мы уже говорили, что на раннихъ ступеняхъ религіозной мысли божества стоятъ очень близко къ человѣку; они, можно сказать, живутъ вмѣстѣ съ людьми, составляя одно общество съ ними. Въ этомъ симбіозѣ людей и божествъ «нравственные» обязательства, вытекающія изъ общественныхъ отношеній и еще не отдѣлившіяся отъ правовыхъ, еще не превратившіяся въ *чистую этику*, существуютъ и практикуются не только между людьми, но и между людьми и богами. По мѣрѣ удаленія божествъ, о которомъ была рѣчь выше, нравственные обязательства между людьми и богами понемногу обособляются отъ таковыхъ же междучеловѣческихъ, развиваясь въ особую вѣтвь соціальной этики. Когда божества уйдутъ далеко, когда они перестанутъ быть членами общества человѣческаго, соціальный характеръ этихъ обязательствъ между людьми и богами поблекнетъ; вмѣстѣ съ богами уйдетъ изъ общества и этика, окончательно отдѣлившись отъ права, которое останется въ обществѣ. Въ отношеніяхъ человѣка къ божеству все явственнѣе будетъ проявляться чувство и сознаніе *должнаго*, понимаемаго не какъ норма соціального принужденія, а какъ норма божественнаго велѣнія. Переработанное, воспитанное религіозной мыслью и религіозной тягой къ человѣчеству, это чувство и сознаніе *должнаго* станетъ сверх-соціальнымъ и личнымъ

человѣческимъ по преимуществу. Оно превратится въ родъ «внутренняго голоса», въ психическую категорію, въ душевный регуляторъ, вѣчно бодрствующій, всегда наготовѣ, котораго обязанность—оцѣнивать поступки, помыслы, хотѣнія, страсти и т. д. съ особой точки зрѣнія, не юридической, не утилитарной, вообще не социальной, а съ какой-то другой, соединяемой человѣкомъ съ понятіемъ «совѣсти»... Голосъ совѣсти говорить: ты долженъ поступать такъ-то и воздерживаться отъ такихъ-то поступковъ не потому, что это полезно или нужно кому бы то ни было,—тебѣ, другимъ, обществу, государству,—а потому только, что я, совѣсть, этого требую. Такое самоуправство, такой деспотизмъ совѣсти свидѣлствуютъ прежде всего о томъ, что она—*инстинктъ*. И въ этомъ отношеніи она является деспотомъ не больше, чѣмъ другіе инстинкты, напр., половой. Но она по существу отличается отъ другихъ тѣмъ, что она отнюдь не *слѣпа*, не *ирраціональна*, какъ другіе: это—единственный *умный, сознательный, раціональный* инстинктъ, который знаетъ, какой высшей цѣли онъ служить, для чего властвуетъ, во имя чего одобряетъ, порицаетъ, терзаетъ человѣка. Совѣсть ясно даетъ понять, что она стремится къ тому, чтобы человѣкъ былъ *личность*, а не только особь, и, поверхъ всякихъ группъ, въ которыя онъ входитъ, становится участникомъ чистой человѣчности. Въ мірѣ социальныхъ узъ, въ группѣ, въ обществѣ, въ государствѣ, человѣкъ вступаетъ въ сложную сеть отношеній, гдѣ онъ то служитъ средствомъ для другихъ, то самъ пользуется другими, какъ средствомъ. Эти отношенія могутъ быть полезныя, необходимыя, безразличныя для однихъ, вредныя для другихъ, полезныя для цѣлаго, тяжелыя для отдѣльныхъ лицъ и т. д. Но каковы бы они ни были, въ лучшемъ случаѣ они *не нравственны*. Но *поверхъ социальности* завязаны иныя отношенія человѣка къ человѣку, опредѣляемыя формулою: *человѣкъ человѣку долженъ быть не средство, а цѣль*. Эта формула и есть *нравственный законъ*. Это то, чего хочетъ совѣсть. *Хотѣнія и стремленія совѣсти, накопляясь вѣками, образуютъ этическое достояніе народовъ*. Это достояніе есть, безспорно, психическая сила огромной энергіи; важная особенность этой силы, сближающая ее съ мыслью, состоитъ въ томъ, что, дѣйствуя, она не только не тратится, а еще увеличивается, все болѣе накапливается. Мысль и совѣсть могутъ

истощиться отнюдь не отъ упражненія, не отъ дѣятельности, а только отъ неупражненія, отъ бездѣйствія ¹⁾. Сила нравственнаго чувства, разъ прибрѣтенная людьми, достается послѣдующимъ поколѣніямъ даромъ—въ формѣ инстинкта.

Дѣятельность совѣсти кладетъ основаніе *особому, сверхъ-соціальному союзу людей, не опредѣляемому ни экономіей, ни правомъ,—идеальному нравственному союзу*. Крайне медленно осуществляется онъ на дѣлѣ, даже въ предѣлахъ цивилизованнаго міра, не говоря уже объ отношеніяхъ культурнаго человѣка къ варвару и дикарю, которые нерѣдко трактуются первымъ, какъ животныя, а не люди.

(Нравственный союзъ всего человѣчества—не утопія и уже фактически существуетъ въ лицѣ тѣхъ, правда, весьма немногочисленныхъ представителей человѣчества, у которыхъ нравственное чувство достигло наибольшаго развитія. Осуществленіе этого союза на дѣлѣ, т. е. такъ, чтобы онъ могъ замѣтно вліять на поведеніе, на нравственныя отношенія всѣхъ людей, зависитъ отъ привлеченія къ нему возможно большаго числа адептовъ. Онъ осуществится на дѣлѣ и явится гарантіей, напр., международнаго мира и права только тогда, когда въ него войдутъ цѣлые народы, наиболѣе цивилизованные и вліятельные. Единственный путь къ этому—развитіе и распространеніе нравственнаго сознанія.

Въ ряду дѣятельностей, воспитывающихъ и распространяющихъ нравственное чувство вмѣстѣ съ идеей человѣчности, особо важное мѣсто принадлежит *искусству*.

¹⁾ Другое дѣло—чрезмѣрная умственная дѣятельность, ведущая къ *переутомленію*. Кромѣ случаевъ школьнаго переутомленія, мы видимъ, что въ жизни цивилизованныхъ народовъ (преимущественно въ большихъ центрахъ, какъ Парижъ, Лондонъ и др.) замѣчаются явленія умственнаго переутомленія, легко объяснимыя крайнимъ напряженіемъ умственныхъ силъ, вызываемымъ *конкуренціей*. Психологически умственное утомленіе сводится къ перевѣсу работы сознанія надъ работой въ сферѣ безсознательной. Поэтому оно болѣе свойственно дѣятельности *изученія, усвоенія, а также обученія, преподаванія*, чѣмъ дѣятельности творческой. Добросовѣстный ученикъ и таковой же учитель *нижней и средней школы, по самой природѣ умственной работы, переутомляются скорѣе, чѣмъ Дарвины и Канты*. Существуетъ ли *нравственное переутомленіе*?